УДК: 347.9(470.3) DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-123-144

ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО–ЧЕРНОЗЁМНОМ РЕГИОНЕ В 2018 ГОДУ: ТЕМЫ И МОДЕЛИ

***Савенков Р.В.*[1]**

В статье рассматриваются некоторые практики публичного оспаривания организованными политическими акторами Центрально–Чернозёмного региона в 2018 г. для определения их перспективного использования гражданами. Объектом исследования являются протестное поведение и действия граждан в отношении государственных и политических решений в Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях, как в регионах с различающимися экономическими моделями и степенью политической конкурентности.

Основным источником эмпирических данных являются данные общероссийских социологических опросов (Левада–Центр), данные аналитических центров об уровне протестной активности, публикации в региональных СМИ, видео, фотоматериалы с официальных сайтов организаторов наиболее масштабных протестов в ЦЧР в 2018 г. – региональных отделений КПРФ и штабов А. Навального, сетевых протестных групп. *Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 18–011–00806 «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределённости и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».*

Ключевые слова: публичный протест, политика оспаривания, Центрально–Чернозёмный регион.

PRACTICES OF PUBLIC CHALLENGE IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN 2018: TOPICS AND MODELS

SAVENKOV R. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e–mail: rvsav@yandex.ru

Савенков Роман Васильевич – кандидат политических наук, доцент, Воронежский государственный университет, доцент кафедры социологии и политологии, адрес: 394068, Россия, г. Воронеж, Московский пр-т, 88, к. 202, e-mail: rvsav@yandex.ru

The purpose of the article is to review some practices of public challenge by organized political actors of the Central Chernozem Region in 2018 to determine their future use by citizens. The object of the study is the protest behavior and actions of citizens regarding state and political decisions in the Belgorod, Voronezh, Kursk, Lipetsk and Tambov regions, as in regions with varying economic models and the degree of political competition.

The main source of empirical data is the data of all-Russian sociological surveys (Levada-Center), the data of analytical centers on the level of protest activity, publications in regional media, videos, photos from the official websites of the organizers of the largest protests in the Central Chechen Republic in 2018 - regional branches of the Communist Party, network protest groups. The author comes to the conclusion that the tendency recorded in 2008-2009 remains when, thanks to the organizing resource of political parties and public associations, the share of All-Russian shares significantly exceeds the contribution of local protests.

The article was prepared as part of the implementation of the RFBR project No. 18–011–00806 "Adaptation potential of regional political systems in the face of uncertainty and risks (using the example of the regions of the Central Chernozem Region").

Keywords: public protest, contestation policy, Central Chernozem region.

В течение 2017 г. – столетнего юбилея русской революции – и в следующем 2018 году экспертное сообщество в России фиксировало рост числа публичных протестных акций. Активизация населения создавала впечатление радикальных перемен в общественном сознании, перехода россиян от состояния «агрессивной неподвижности» (С. Грин)[1] к активным формам коллективной демонстрации недовольства и несогласия. Как заметил политолог Б. Кагарлицкий: «Сначала казалось, будто границы возможного очень жёстко очерчены. Но вдруг обнаруживается, что эти границы существовали лишь в сознании людей… Все начинают тестировать границы. Возникает ощущение, что теперь возможно всё».[2] Социологи (М. Дмитирев, С. Белановский) на основе качественных методов исследования зафиксировали изменения в массовом сознании россиян: высокая готовность к переменам, ослабление надежды на помощь государства, запрос на справедливость, стремление рассчитывать на собственные силы, усиление ценностей самовыражения, усиление пессимизма в восприятии будущего страны,

[1] Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. – Январь–апрель 2011. – С. 6 – 19.

[2] Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. – М., 2017. – С. 142.

предпочтение процессуальной справедливости[1]. Количественные социологические замеры в 2018 г. фиксировали рост общественного недовольства и снижение уровня доверия к федеральным и региональным органам государственной власти. Наблюдаемые в целом перемены в общественном сознании позволяли экспертам прогнозировать увеличение протестного потенциала и масштабов публичных акций протеста.

В то же время субъективная готовность граждан принять участие в массовых акциях протеста достигла своего пика летом – осенью 2018 г. и приобрела тренд к снижению. Результаты опросов Левада–Центра на протяжении последних трёх лет демонстрировали нежелание большинства россиян принимать участие в акциях протеста в защиту своих прав в связи с падением уровня жизни или с политическими требованиями. По данным Левада–Центра, такого мнения придерживалось более 80% респондентов осенью 2017 года[2] и 88% в марте 2018 года[3]. Начало обсуждения пенсионной реформы в июне–июле 2018 года усилило ожидание протестов по экономическим требованиям с 17% (март) до 41% (июль), а субъективная готовность принять в них участие выросла с 8% до 28% за тот же период[4]. В марте 2019 г. данные показатели снизились: ожидание протестов – до 34%, личная готовность – до 26%[5]. Разумеется, данные массовых опросов сигнализируют не о реальном протестном участии, а об эмоциональном состоянии респондентов, их ожиданиях того или иного развития ситуации. По данным опросов Левада–Центра, в начале 2019 г. респонденты предпочитают легальные и неконфронтационные формы коммуникации с властью: голосование; поддержка открытых писем и петиций; обращение в органы исполнительной власти[6].

В этот же период в стране зафиксирована нисходящая динамика трудовых

---

[1] Дмитриев М.Э.. Белановский С.А., Никольская А.В. Признаки изменений общественного сознания и их возможные последствия // Комитет гражданских инициатив. – 11.10.2018. – URL: https://komitetgi.ru/news/news/3902/ (дата обращения: 11.01.2019); Дмитирев М. и др. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Фонд «Либеральная миссия». – 26.12.2018. – URL: http://www.liberal.ru/articles/7298 (дата обращения: 11.01.2019).

[2] Россияне не верят в протесты // Левада-центр. - 28.09.2017. - URL: https://www.levada.ru/2017/09/28/rossiyane-ne-veryat-v-protesty/ (дата обращения: 15.03.2019).

[3] Протестный потенциал // Левада-Центр. – 16.04.2018. – URL: https://www.levada.ru/2018/04/16/protestnyj-potentsial-7/ (дата обращения: 15.03.2019).

[4] Потенциал протеста // Левада-Центр. – URL: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 15.03.2019).

[5] Протестный потенциал // Левада-Центр. – 06.03.2019. – URL: https://www.levada.ru/2019/03/06/protestnyj-potentsial-8/?fbclid=IwAR06501Dw63najUmuRZzmrYsdWNt4MGagU9mjnXoIwjhNxVlZOuiT6dlB3w (дата обращения: 15.03.2019).

[6] Большинство россиян отказались митинговать ради изменений к лучшему // Левада-Центр. – 13.02.2019. – URL: https://www.levada.ru/2019/02/13/bolshinstvo-rossiyan-otkazalis-mitingovat-radi-izmenenij-k-luchshemu/ (дата обращения: 15.03.2019).

протестов: 419 – в 2016 г., 334 – в 2017 г., 122 – за 6 мес. 2018 г. Замечено, что уменьшение числа трудовых протестов в 2017–2018 годах происходит за счёт снижения протестной активности населения периферийных территорий (провинциальных городов и сельских территорий), в то время как протестность мегаполисов и городов–миллионников – величина более или менее постоянная[1].

Объявление о подготовке пенсионной реформы в июне 2018 г. резко увеличило количество протестов в России: с 543 в I квартале 2018 г. до 1244 – в III квартале 2018 года[2]. Рост числа протестных акций с конца июля 2018 г. в основном был организован Коммунистической партией РФ (КПРФ), мобилизующей противников правительственного варианта пенсионной реформы. Целью акций была попытка инициировать процедуру референдума и отмену планов по повышению пенсионного возраста. Центральная избирательная комиссия России дважды отказала КПРФ в проведении референдума:

1) из–за несоответствия закону формулировки вопроса (в конце июля)[3];

2) из–за невыполнения ни одной из пяти зарегистрированных инициативных групп требования регистрации 43 региональных групп (в середине октября[4]. Публичные разъяснения президента В. Путина о необходимости реформы и смягчение некоторых её параметров (29 августа 2018 г.) снизили протестный потенциал коллективного действия по этой теме.

Снижающаяся реальная динамика количества участников протестных акций подтверждает тезис А. Кинсбурского о сокращении потенциала протеста в силу определённого разочарования в эффективности протестных действий как способа разрешения политических и экономических проблем. Вторым фактором снижения активности считается ужесточение правил проведения массовых политических мероприятий и усиление ответственности за их нарушение[5]. Вполне естественным естественным стремлением большинства законопослушных граждан является нежелание участвовать в несанкционированных протестных действиях.

Таким образом, большинство россиян не планирует участвовать в публичных

---

[1] Трудовые протесты в первой половине 2018 г. // Центр социально-трудовых прав. - URL: http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/2068 (дата обращения: 09.11.2018).

[2] Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг. // Центр экономических и политических реформ. 08.11.2018. – URL: http://cepr.su/2018/11/08/protests–2017–2018/ (дата обращения: 11.11.2018).

[3] ЦИК объяснил отказ в референдуме //РИА–Новости. – 27.07.2018. – URL: https://ria.ru/society/20180727/1525496602.html (дата обращения: 02.11.2018).

[4] Что заменит референдум по пенсионному возрасту // Ведомости. – 19.10.2018. – URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/19/784083–chto–zamenit–referendum–po–pensionnomu (дата обращения: 1.11.2018).

[5] Кинсбурский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 1. – С. 31.

акциях протеста[1]. но, очевидно, большинство продолжит поиск иных непубличных каналов выражения недовольства и оспаривания. Возможно, способом выражения недовольства могут стать протестное голосование, уход от налогов, негативные комментарии в социальных сетях, латентная поддержка публичных акций недовольства, негативные граффити, распространение негативных и фейковых новостей в соцсетях и т.п.

Цель статьи – рассмотреть некоторые практики публичного оспаривания организованными политическими акторами Центрально–Черноземного региона (далее – ЦЧР) в 2018 г. для определения их перспективного использования гражданами. Объектом исследования являются процессы публичного оспаривания государственных и политических решений в Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях, как регионах с различающимися экономическими моделями и степенью политической конкурентности.

Основным источником эмпирических данных являются данные общероссийских социологических опросов (Левада–Центр), данные аналитических центров об уровне протестной активности, публикации в региональных СМИ, видео, фото–материалы с официальных сайтов организаторов наиболее масштабных протестов в ЦЧР в 2018 г. – региональных отделений КПРФ и штабов А. Навального. Мы определяли субъекта публичного оспаривания, характер его риторики и формы демонстрации своей позиции, объект критики, а также масштабы массовой мобилизации.

Концептуальные основания публичного оспаривания

В классических работах о демократии и полиархии Р. Даль важнейшим её аспектом назвал существование конкуренции или состязательности между правительством и его оппонентами. Для того, чтобы правительства сохраняли способность реагировать на предпочтения своих граждан, граждане должны иметь возможность: 1) формулировать свои предпочтения; 2) выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий; 3) иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, т.е. отношение, исключающее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений. Институциональные гарантии участия граждан (Р. Даль выделяет восемь таких институтов) объединяются в два базовых явления, ставших основой для теоретических исследований аспектов процесса демократизации: публичное оспаривание (public contestation) и степень включённости[2]. По мнению американского политолога, публичное оспаривание означает опровергать, делать нечто предметом диспута, спора, тяжбы. Наиболее

[1] Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. – М., 2013. – С. 126.

[2] Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. – М., 2010. – С. 6–10.

близким синонимом являются глаголы «полемизировать», «ставить под сомнение», «конкурировать»[1]. В рамках социологии общественных движений сложились классические традиции анализа социального и политического протеста, а также собственная терминология. К числу основных моделей анализа протеста относят социально–психологические концепции коллективного поведения и относительной депривации; теории мобилизации ресурсов и политических возможностей; ценностно–ориентированный подход «новых общественных движений»[2]. В самом общем виде протест представляет собой «выступления граждан, направленные против действий/бездействия центральных или местных властей, содержащие критику и требования в адрес официальных лиц и институтов»[3].

Как указывает О. Лобанова, концепция «политики оспаривания» является одной из влиятельных теорий, рассматривающей факторы возникновения, развития и упадка протестных движений. «Политика оспаривания» включает в себя эпизодичные, публичные действия, в которых участники предъявляют коллективные требования, координируют усилия для достижения общих интересов, а одной из сторон является правительство. Общая рамка «политики оспаривания» подразумевает, что мобилизация протестующих основывается на разделяемых фреймах, мобилизационных структурах (социальные движения, политические партии и другие организации), которые ограничены «сверху» правительством, создающим систему стимулов и угроз для коллективных действий[4]. Наиболее полное описание политики оспаривания (contentious politics) мы находим в работах С. Тэрроу. Американский социолог включает в структуру политических возможностей для оспаривания только те характеристики политического режима, которые реально могут использоваться движениями для достижения целей и мобилизации поддержки:

1) степень открытости политической системы для новых акторов;
2) свидетельства переструктурирования политических сил;
3) наличие союзников движения в рамках политической системы;
4) появляющиеся расколы внутри элиты[5].

---

[1] Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. – М., 2010. – С. 15.

[2] Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Политические исследования. – 2011. – №4. – С. 144.

[3] Латов Ю.В. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. – 2017. – №2. – С. 36.

[4] Лобанова О.Ю. Протестные движения и «политика оспаривания: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. – №4. – С. 164.

[5] Sidney G. Tarrow. Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics, Third Edition. – Cambridge University Press, 2011. – P. 154–157.

Динамику субъективной оценки россиянами своих возможностей для публичного оспаривания удачно описал в своих работах С. Грин, зафиксировав переход от «агрессивной неподвижности»[1] к поиску жителями Москвы неформальных способов самоорганизации для оказания давления на власть[2].

Структура возможностей для публичного оспаривания меняется медленно и незаметно, в момент осознания её изменения происходит лавинообразный рост оспаривания и протеста. Ускоряющим публичное оспаривание и протест фактором являются выборы, т.к. власть имеет дело с уже мобилизованным населением, определившимся со своей принадлежностью к более широкой социальной группе, с которой они разделяют точку зрения в отношении действующего режима. Негативный эмоциональный фон является ускоряющим фактором протеста и оспаривания, но не является их причиной. Низкое доверие и недовольство властью, как правило, ведёт лишь к масштабным, нечётким и бесцельным формам сопротивления[3].

Конкретными формами публичного оспаривания являются протестное поведение и протестное действие. Под *протестным поведением* мы будем понимать спонтанную, аффективную активность граждан, вызванную сбоем функционирования органов социального управления. Побудительным мотивом активности становятся накопленное социальное напряжение, недовольство, разочарование, рост агрессивности, спровоцированные, как правило, каким–либо шокирующим (часто трагическим) событием[4]. *Протестное действие* характеризуется рациональностью его субъектов, их способностью планировать действия, использовать разнообразные ресурсы для повышения его эффективности, а также повторяющимся характером[5].

Итак, категория «публичное оспаривание» наиболее удачно описывает социальные практики в современной России, т.к. россияне предпочитают легальные, индивидуальные и неконфронтационные формы коммуникации с властью: голосование; поддержка открытых писем и петиций; обращение в органы исполнительной власти. Около четверти респондентов потенциально готовы принимать участие в работе общественных организаций и партий, участвовать в

---

[1] Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. – Январь–апрель 2011. – С. 6 – 19.

[2] Greene S. Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia. – Stanford University Press, 2014. – 296 p.

[3] Тэрроу С. «Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов» // Свободная мысль. – 2011. – №12. – С. 8–10.

[4] См. Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003. – С. 640.

[5] Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб., 1993. – С. 58–59.

уличных акциях и митингах, меньше 10% – поддерживать их деньгами[1]. Специфическую форму приобретают публичные способы защиты личных и общественных интересов: митинги и пикеты с обращением к федеральным органам власти с просьбой оказать давление на региональную и местную власти для решения проблемы.

Общая характеристика политических возможностей публичного оспаривания в ЦЧР

В Центрально–Чернозёмный регион традиционно включают Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области. В 1990–е гг. специалисты по электоральной географии относили ЦЧР к т.н. «красному поясу» – макрорегиону с высокой электоральной поддержкой кандидатов от КПРФ и других левых, протестно–оппозиционных партий. «Этой группе регионов присущ повышенный консерватизм, что объясняется значительной долей сельского населения и преобладанием соответствующего типа ментальности»[2]. В настоящее время названные регионы различаются не только экономическими моделями, но и качеством региональных политических институтов[3], что создаёт отличающиеся констеляции политических возможностей для публичного оспаривания. Кроме того, политическая жизнь регионов проходит по отличающимся электоральным расписаниям: в Курской, Липецкой областях в 2019 г. пройдут выборы глав региональных администраций; в Белгородской и Воронежской областях в 2020 г. пройдут очередные выборы депутатов регионального законодательного собрания, а в Тамбовской области – выборы губернатора. Приближающиеся выборы создают условия для элитных конфликтов и расколов, а значит, расширения практики публичного оспаривания.

Основным индикатором, которым традиционно пользовались социологи для анализа и прогноза протестного действия, является динамика уровня социально–экономической, политической и эмоциональной напряжённости в регионах. Эксперты Комитета гражданских инициатив в 2015–2017 годах в ЦЧР заметили, что экономические проблемы не являлись основными причинами протестного

[1] Гражданская активность // Левада–Центр. – 13.02.2019. – URL: https://www.levada.ru/2019/02/13/grazhdanskaya–aktivnost/ (дата обращения: 15.02.2019); Дмитриев М., Белановский С., Никольская А. Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия // Комитет гражданских инициатив. – 11.10.2018. – URL: https://komitetgi.ru/news/news/3902/ (дата обращения: 10.01.2019); Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Фонд «Либеральная миссия». – 26.12.2018. – URL: http://www.liberal.ru/articles/7298 (дата обращения: 10.01.2019).

[2] Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Полития. – Зима 1999–2000. – №4. – С. 105.

[3] См.: Кынев А. Качество региональных политических институтов: попытка измерения // Политическая наука. – 2017. – №4. – С. 280–283.

поведения и действия. До обсуждения пенсионной реформы в середине 2018 г. авторы доклада зафиксировали во втором полугодии 2017 года спад публичной протестной активности по сравнению с пиковыми показателями первой половины 2017 г. и возвращение этого показателя к фоновому уровню 2015–2016 годов. В целом в рассматриваемых регионах к 2018 г. установились относительно спокойная социально–экономическая ситуация, пониженные риски элитных конфликтов, но с высокими рисками дестабилизации из–за неэффективного политического дизайна[1].

По мнению А. Кынева, более институционально развитая региональная система, с бо́льшим спектром для легального оспаривания, имеет больше возможностей для гибкой реакции на кризисные явления в социально–экономической жизни и построения общественного диалога, снижает уровень общественного радикализма во всех его проявлениях, включая протестные акции. Сбалансированная система власти стимулирует различные группы элиты, политические и общественные силы решать возникающие конфликты конструктивным путём, через легальные политические процедуры[2]. В первой половине 2018 г. высокими рисками, связанными с неэффективным политическим дизайном, по мнению А. Кынева, обладали Белгородская, Курская, Липецкая области, в двух последних в сентябре текущего года планируются досрочные выборы главы региональной администрации[3].

Риски политического дизайна связаны с тем, что в региональных парламентах доминирует партия «Единая Россия» и отсутствуют возможности для иных, в том числе оппозиционных, партий артикулировать альтернативную политическую повестку. Во всех пяти региональных легислатурах КПРФ является крупнейшей оппозиционной партией (см. табл. 1).

В то же время у большинства россиян (по данным ВЦИОМ) в 2018 г. резко снизилось одобрение деятельности политических партий: если в 2017 г. названный индекс колебался в пределах 19–21 пп., то с ноября 2018 г. он приобрёл отрицательные значения (–4 пп.). Одобрение деятельности оппозиции весь рассматриваемый период было низким: в 2018 г. индекс колебался от –7 до –12 пп.[4]. Такие всероссийские данные позволяют сделать вывод о низкой

---

[1] Эксперты КГИ представили итоги мониторинга социально–экономической и политической напряжённости регионов за три года // Комитет гражданских инициатив. – 20.06.2018. – URL: https://komitetgi.ru/analytics/3797/ (дата обращения: 01.07.2018).

[2] Кынев А. Качество региональных политических институтов: попытка измерения // Политическая наука. – 2017. – №4. – С. 266.

[3] Эксперты КГИ представили индекс социально–экономической и политической напряжённости в регионах России за I полугодие 2018 // Комитет гражданских инициатив. – 19.11.2018. – URL: https://komitetgi.ru/analytics/3946/ (дата обращения: 08.08.2018).

[4] Деятельность общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения

востребованности у граждан партийно–парламенстких каналов публичного оспаривания.

Таблица 1– Количество депутатов во фракциях региональных парламентов ЦЧР в 2018 г.

Table 1 – The number of deputies in the factions of the regional parliaments of the Central Chernozem Region in 2018

Субъект Федерации	Всего мест в легисла-туре	Фракция «Единой России»	Фракция КПРФ	Фракция ЛДПР	Фракция «Справед-ливая Россия»	Фракция «Родина»
Белгородская область	50	43	3	2	2	–
Воронежская область	56	51	3	1	1	–
Курская область	44	34	5	4	1	–
Липецкая область	56	46	4	4	2	–
Тамбовская область	50[1]	42	3	1	1	1

Основными субъектами публичного оспаривания в ЦЧР в 2018 г. были: 1) региональные отделения КПРФ; 2) региональные штабы А. Навального; 3) стихийно организованные группы протестующих жителей. КПРФ и штабы А. Навального выступали организаторами всероссийских акций протеста против пенсионной реформы. Анализ действий политической партии и общественной структуры показал, что их протесные действия обладают общими признаками сетевой структуры: коммуникация и согласованное протестное действие организационных элементов в соседних регионах. В 2018 г. в регионах ЦЧР проходили локальные протестные акции, которые ни тематически, ни организационно не соприкасались с федеральными протестами, не включались в какие–либо сетевые организации.

Сущностной чертой сетевого подхода является акцент на связях между элементами системы, а не на самих элементах. Сеть выступает в качестве среды,

(ВЦИОМ). – URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 10.04.2019).

[1] Два депутатских мандата вакантны.

в рамках которой осуществляется взаимодействие различных субъектов. Внутри неё происходит процесс взаимной коммуникации участников, в результате которого порождается какое–либо действие, самоорганизуется какое–либо движение, осуществляется обмен информацией и ресурсами. Это позволяет формировать общее мнение и позицию организации/движения относительно происходящих событий и способов разрешения ситуации. В результате сети позволяют организовывать протестные действия с общей целью[1].

Модели мобилизационных действий субъектов оспаривания

Региональные отделения КПРФ действуют во всех пяти регионах Центрального Черноземья. Результаты электоральной поддержки на региональных и федеральных выборах сохраняют за КПРФ статус малой партии, однако самой крупной оппозиционной парламентской партии, получающей голоса в среднем на региональных выборах 13,5% и на федеральных выборах – 10–13% (см. табл. 2).

Таблица 2– Результаты кандидатов от КПРФ на региональных и федеральных выборах, в %

Table 2 – The results of the candidates from the Communist Party in regional and federal elections)

Субъект Федерации	Выборы депутатов в региональные легислатуры	Выборы депутатов в Государственную Думу 2016 г.	Поддержка П. Грудинина на президентских выборах 2018 г.
Белгородская область	13,08 (2015)	15,16	10,43
Воронежская область	10,85 (2015)	15,77	11,30
Курская область	18,14 (2016)	13,14	9,57
Липецкая область	13,67 (2016)	13,95	10,04
Тамбовская область	11,90 (2016)	10,95	9,12
По РФ	–	13,34	11,77

Региональные отделения КПРФ в 2018 г. дисциплинированно организовывали публичные мероприятия в рамках всероссийских акций протеста: в феврале состоялась Всероссийкая акция протеста против социального курса властей «За

[1] Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии. – Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2018. – С. 10–11.

социальную справедливость!»; в июне – акция против повышения цен на топливо. В ходе президентской кампании весной 2018 г. отделения проводили мероприятия по поддержке своего кандидата П. Грудинина, а 23 марта 2019 г. – «Защитим социально–экономические права граждан», а также требование к ЦИК РФ передать вакантный мандат депутата Государственной Думы П. Грудинину. Общими для всех реготделений ЦЧР стали публичные непротестные мероприятия, связанные с памятными датами советской истории: дни рождения В. Ленина, И. Сталина, Ю. Гагарина, К. Маркса, День комсомола, День Победы, День Октябрьской революции, День Защитника Отечества и др. Единым для всех партийных отделений стал автопробег по местам боёв в период Великой Отечественной войны. Публичные мероприятия, приуроченные к памятным датам советской истории, собирали немногочисленных симпатизантов партии и отчасти позволяли маскировать дефицит новых идей.

Единую позицию занимали региональные отделения по международным проблемам: публично критиковалось вмешательство США и НАТО в дела других государств, формировались гуманитарные конвои в непризнанные республики ДНР и ЛНР. В конце января 2019 г. были организованы немногочисленные митинги против предполагаемой передачи Японии Курильских островов.

Региональные отделения КПРФ стали основными организаторами публичных мероприятий сопротивления пенсионной реформе: 28 июля, 2 и 22 сентября – Всероссийские акции, а также локальные митинги и пикеты. Видео и фото–материалы позволяют сделать вывод, что митинги в регионах ЦЧР не были многочисленными (от 50 до 400 чел.), что компенсировалось высокой частотой микроакций в разных населённых пунктах по сбору подписей в поддержку референдума по пенсионной реформе и пикетами. В миллионном Воронеже 26 июля под знаменами КПРФ собралось около 1 тыс. чел. Обилие мероприятий позволило КПРФ закрепить за собой образ главного борца за права будущих пенсионеров.

Специфическими региональными протестными темами КПРФ в 2018 году стали: сопротивление новым правилам благоустройства (Белгородская область, 20.01.2019), выступления против платных парковок в центре Воронежа (Воронежская область, июнь 2018), митинг «Бездомный полк» (в защиту дольщиков, Липецкая область, 17.02.2018), против попыток Русской Православной Церкви построить в городском парке Тамбова культовое здание и переименовать советские названия улиц.

В целом коммунисты ЦЧР проводили классические протестные мероприятия, направленные на мобилизацию своих твёрдых избирателей. В публичном дискурсе объектом критики являлась широко понимаемая «власть», партия «Единая Россия», реже – Правительство России. С конца 2018 г. тему пенсионной реформы сменила борьба за справедливые тарифы ЖКХ и стоимость топлива,

безопасную утилизацию ТБО и территориальную целостность России. Партийные активисты артикулируют болезненные для населения темы, но не указывают причин или конкретных виновников этих проблем («правительство Медведева»). Такая тактика позволяла партии сохраняться в публичном дискурсе как системная, но оппозиционная группа, способная к результативному участию в выборах в региональные легислатуры. В то же время критика партии, как правило, безадресная, без артикуляции реалистичных альтернатив принимаемым решениям в социально–экономической сфере, позволяла выпускать «пар» общественного недовольства, но не приводила к политико–правовым последствиям.

Наиболее активными и агрессивными выглядят курские и липецкие коммунисты: проведено множество локальных акций против пенсионной реформы, использовались элементы театрализации (в Липецке протест против пенсионной реформы высказала «Смерть», а молодой коммунист молотом «Правда» разбил телевизор с надписью «Зомбоящик»). Лозунги и сайт Курского отделения прямо критикуют правительство страны и премьер–министра Д. Медведева. Хотя все реготделения ЦЧР заявили о нарушения избирательного права в ходе президентской кампании 2018 г., только липецие коммунисты организовали несанкционированный митинг и были вынуждены заплатить за это штраф по решению суда.

Сайты партийных отделений отличаются друг от друга. Главным информационным инструментом были и остаются тексты и фото с мероприятий, а также ретрансляция публикаций с федерального партийного сайта. Наиболе удобно организован сайт Курского отделения: публикуются видеоматериалы с мероприятий. Тамбовское отделение сочетает публикацию концептуально–философских текстов с большим количеством неструктурированных видеозаписей.

В целом анализ действий КПРФ по публичному оспариванию позволяет сделать вывод о сохранении партией статуса «нишевой», ориентирующейся на своих «твёрдых» избирателей и избегающей поиска новых форм коммуникации и организации недовольных граждан.

Вторым крупным субъектом публичного оспаривания в ЦЧР стали организации А. Навального. С декабря 2016 г. политик А. Навальный начинает создание в крупных городах России организационных структур своего движения для проведения скоординированных всероссийских акций. Генезис движения А. Навального можно разделить на пять этапов:

I этап – декабрь 2016 – 12 июня 2017 г. – создание сети штабов в крупных городах, мобилизация граждан к участию в общероссийских публичных мероприятиях в поддержку антикоррупционных требований, формирование базы сторонников;

II этап – июнь 2017 г. – декабрь 2017 г. – переход от антикоррупционной тематики к требованиям выдвижения А. Навального кандидатом в Президенты России, расширение сети штабов до 81 города;

III этап – декабрь 2017 – май 2018 г. – акция «Бойкот выборов» и подготовка наблюдателей в день голосования, поствыборный протест;

IV этап – май 2018 – ноябрь 2018 г. – снижение количества штабов, проведение акций (как правило, в социальных сетях) по локальным проблемам, организация общероссийских митингов «Он нам не царь» и против повышения пенсионного возраста;

V этап – ноябрь 2018 г. – весна 2019 г. – запуск акций «Умное голосование» и «профсоюз Навального».

В первые три этапа во всех пяти регионах ЦЧР действовали финансируемые из Москвы штабы А. Навального, которые организовали участие активистов своего региона в шести всероссийских акциях, а также локальные акции в поддержку выдвижения А. Навального кандидатом в президенты России. В общественную кампанию по поддержке А. Навального к концу третьего этапа включился 81 штаб в городах России, из которых 60 финансировались «головным офисом», а 11 штабов работали в статусе «народных» (с самостоятельным финансированием)[1]. Лидер движения считает создание региональной сети штабов своим главным достижением. При этом большая их часть сохранилась после досрочного завершения оппозиционером собственной президентской кампании. В настоящее время на их базе созданы так называемые «политические центры»[2].

Заключительным мероприятием третьего этапа стала протестная акция «Он нам не царь» 5 мая 2018 г., приуроченная к инаугурации Владимира Путина. В ЦЧР акция проходила без согласования с местными властями места проведения, поэтому без задержаний и штрафов обошлось только в Липецке. В Белгороде и Старом Осколе акции были согласованы на окраинах, но организаторов привлекли к административной ответственности. Во время проведения несогласованных акций были задержаны координаторы (Тамбов), а также активные участники (Воронеж и Курск). С мая 2018 г. перестал функционировать штаб политика в г. Курске. С июля 2018 г. штабы в Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областях проводят информационную работу на единой Интернет–платформе, публикуют постоянные информационные материалы в единой тематической и оформительской стилистике.

На четвёртом этапе движение некоторое время не имело общей цели. Изучение официальных страниц штабов Навального в ЦЧР позволяют сделать

[1] Навальный 20!8. – URL: https://2018.navalny.com (дата обращения: 25.12.2018).

[2] Родин И. Штабы Навального стали политическими центрами // Независимая газета. – 09.01.2019. – URL: http://www.ng.ru/politics/2019–01–09/1_7477_navalny.html (дата обращения: 11.01.2019).

вывод о реализации единой «сетки» мероприятий и создании информационных поводов, привлекающих внимание к местным проблемам. Такими общими локальными темами стали злоупотребления при осуществлении государственных и муниципальных закупок, борьба за сохранение в городах электротранспорта (троллейбусов), неудовлетворительное состояние дорог и качества оказания услуг в жилищно–коммунальной сфере, а также уборка снега зимой.

Региональные координаторы используют единые шаблоны информационной работы: запись коротких динамичных видеообращений или критических сюжетов, публикация фотодокументов и официальных ответов органов власти, ироничные фотоколлажи. Самую масштабную работу по артикуляции проблем ЖКХ проводил штаб в Тамбове, осуществляя регулярный мониторинг вопиющих фактов, предлагая рекомендации по эффективному взаимодействию с органами власти и управляющими компаниями. Специфической «тамбовской» темой стала организация сопротивления передаче епархии части городского парка путём направления петиции.

Объектом критики во всех регионах стали губернаторы, конкретные представители областной и городской администраций, представители партии «Единая Россия». Зафиксирована закономерность атак на губернаторов в ЦЧР: на официальной странице штаба движение не критикует временно исполняющих обязанности губернаторов, не создаёт негативного информационного фона накануне и во время агитационного периода. Например, ВРИО губернатора Воронежской области А. Гусев приступил к своим обязанностям в декабре 2017 г., но его фото и фамилия в материалах штаба появляется только после избрания на пост с сентября 2018 г. Липецкий штаб публикует разоблачительные материалы о главе областной администрации О. Королеве как в 2018 г., так и после его отставки (в октябре 2018 г.). Его преемник в статусе ВРИО И. Артамонов не критикуется на официальной странице штаба, но его фото постоянно присутствует на страничке штаба в социальной сети «ВКонтакте» рядом с «разоблачениями» мэра г. Ельца и руководителя областного управления здравоохранения. Прямые негативные оценки И. Артамонов «получил» лишь в соцсетях в ноябре 2018 г., когда был обвинён администраторами группы в установке себе зарплаты в 12 млн. руб. в месяц. Выборы главы администрации Липецкой области пройдут в сентябре 2019 г. На официальной странице Тамбовского штаба критика главы администрации Тамбовской области А. Никитина не зафиксирована, но она опубликована на страничке штаба в соцсети «ВКонтакте». На официальной странице Белгородский штаб указывает на продолжительность губернаторства Е. Савченко (с 1993 г.) и намекает на его коррупционные связи.

Все региональные штабы ЦЧР опубликовали списки депутатов регионального парламента и депутатов Государственной Думы от региона, проголосовавших за принятие проекта пенсионной реформы. В каждом регионе объектом критики

стали должностные лица, ответственные за взаимодействие с общественными организациями или согласующими проведение публичных мероприятий в столицах региона. Кроме этого, каждый штаб сконцентрировался на критике конкретного публичного или должностного лица: в Белгородской области – руководитель областного департамента образования Н. Полуянова, в Воронежской области – депутат областной Думы, ректор Воронежского госуниверситета Д. Ендовицкий; в Липецкой области – глава города Ельца С. Панов, глава Задонского района г. Мосолов; в Тамбовской области – глава Никифоровского района А. Щербаков.

Как и КПРФ, штабы выступили соорганизаторами всероссийских акций протеста против пенсионной реформы 26 июля и 9 сентября. В ЦЧР акции собирали от 100 до 300 человек. Акции позиционировались как объединённые действия оппозиции, в которых принимали участие представители партии «Яблоко» и другие менее известные партии и группы. Однако общая тема не стала поводом для объединения мобилизационных усилий, проведения совместных акций и каких–либо правовых последствий.

С ноября 2018 г. запущен проект «Умное голосование», целью которого является поддержка на региональных и муниципальных выборах самого сильного оппозиционного кандидата, определённого движением, с целью не допустить избрания кандидатов от партии «Единая Россия»[1]. Такая тактика позволила на выборах выборах депутатов Госдумы 2011 г. мобилизовать недовольных «Единой Россией» избирателей и существенно увеличить процент КПРФ и «Справедливой России». Но «партия Навального» не участвует в выборах, его образ вызывает недоверие у крупных сегментов россиян средних и малых населённых пунктов. Кроме того, нет согласия между противниками «ЕР», они не готовы признавать лидерство Навального. Ближайшие региональные выборы, на основе которых можно будет оценить результативность проекта в исполнении Навального, состоятся в сентябре 2019 г.

С 24 января 2019 г. запущен проект «Профсоюз Навального», дающий возможность работникам бюджетной сферы проверить уровень свой зарплаты на соответствие её требованиям майских указов Президента[2]. Существующие традиционные профсоюзные организации, несмотря на низкие рейтинги доверия, более востребованы бюджетниками, чем Интернет–профсоюз оппозиционного политика.

Итак, штабы Навального в ЦЧР проводят активную наступальную информационную кампанию по выявлению недостатков и ошибок органов власти и представителей партии «Единая Россия». Основная информационная работа в

[1] Умное голосование. – URL: https://2019.vote (дата обращения: 25.12.2018).
[2] Профсоюз Навального. – URL: https://union.navalny.com (дата обращения: 15.03.2019).

2018 г. проводилась в сети Интернет на официальной странице региональных штабов и в популярных социальных сетях. Материлы в соцсетях более агрессивные и критичные, чем на страницах штабов. В отличие от КПРФ, сетевая структура Навального активно оспаривает как федеральные, так и местные проблемы, ищет поддержки у электората других партий.

Третьим субъектом публичного оспаривания в 2018 г. в ЦЧР стали коллективные действия стихийно образованных групп граждан. Отличающиеся темы и модели поведения позволяют выделить в названных группах два типа субъектов: требующие решения конкретной локальной проблемы, реагирующие на «незаконные»/«ошибочные» действия властей (протест – 1) и артикулирующие общее недовольство (протест – 2).

В Курске общественная организация «Градозащита» провела пикет в защиту исторических памятников (23.09.2018 г.). Оригинальный пикет по всероссийской теме прошел в Липецке в марте 2019 г.: организаторы поддержали идею повышения пенсионного возраста россиян до 120 лет. Самой многочисленной стихийной акцией протеста по локальной теме стал митинг 3 тыс. жителей посёлка Дмитриевка Тамбовской области 23.12.2018 г., добившихся остановки работы мусорного полигона «Бастион» и отставки главы посёлка. На своих информационных ресурсах региональный штаб Навального и КПРФ выражали солидарность с участниками акции, но символика партии и движения не замечены на публичном мероприятии. Возможно, отсутствие мобилизационных структур у «протеста – 1» снижали их продолжительность и массовость. Но масштабы мобилизации вынудили власти выполнить все требования жителей п. Дмитриевка. Создание собственного движения позволило обманутым дольщикам провести достаточно многочисленные согласованные митинги в Липицке 24.03.2017 и 21.10.2018 г.

Интересный тест на готовность к публичному оспариванию прошли муниципальные власти 10 воронежских районов: российский гей–активист Н. Алексеев подал уведомление о проведении в них публичных мероприятий (пикетов и шествия) представителей сексуальных меньшинств[1]. Для публичного оправдания несогласования мероприятий администрация городка Богучар Воронежской области 26 февраля 2019 г. согласовала проведение митинга противников возможного проведения шествия представителей сексуальных меньшинств (собралось около 500 человек). Мобилизационным фактором стал оперативный репортаж телеканала «Россия–1» о якобы полученном согласовании в проведении такого мероприятия.

[1] Богучарские чиновники ответили на заявку о проведении гей–парада // Блокнот–Воронеж 25.02.2019 г. – URL: http://bloknot–voronezh.ru/news/bogucharskie–chinovniki–otvetili–na–zayavku–o–prov–1072950 (дата обращения: 1.03.2019).

Организационной структурой субъекта «протест – 2» стала группа в социальной сети «ВКонтакте» «Бессрочный протест»[1]. Из всех регионов ЦЧР к коллективным действиям присоединились только активисты г. Воронежа, создавшие группы «Свободные люди Воронежа», «Уличный протест». Активисты сетевой организации проводят еженедельные пикеты в гайд–парке Воронежа с требованием отставки Президента В. Путина и его окружения, к которым оперативно добавляют требования решения обсуждаемых в средствах массовой коммуникации проблемных тем: прекращения разработок никелевых месторождений в Новохопёрском районе Воронежской области, предполагаемого переноса гайд–парков, трагедии в аэропорту Шереметьево и т.п. Протестные действия не многочисленные, не стремятся к расширению поддержки, но отличаются регулярностью.

Таким образом, по результатам количественных и качественных социологических исследований, россияне в 2018 г. были настроены на законное и уважительное отстаивание своих прав и интересов. Самыми активными организаторами региональных протестных акций в ЦЧР стали отделения КПРФ. Местные коммунисты присоединялись к Всероссийским протестным акциям против антисоциальной политики властей, против роста тарифов, протестной акции «За социальную справедливость». Протестные мероприятия, как правило, подробно освещались лишь на партийных сайтах реготделений. Региональные власти не препятствовали коллективным действиям КПФР, т.к. не опасались ни масштабной мобилизации, ни провокаций. В свою очередь КПРФ объектом критики делала экономические действия правительства или местных чиновников, отказываясь от выдвижения политических требований и проведения несанкционированных действий.

Штабы Навального стремились участвовать в публичных мероприятиях, как по общим, так и по локальным темам, смелее критиковали конкретных представителей региональной и местной власти. В сравнении с информационной работой КПРФ, штабы Навального пользуются более современными средствами: запись видео–роликов и сюжетов с мест, публикация изображений документов и фотоколлажей. Активисты движения привлекают своих сторонников к участию в публичных акциях в несогласованных местах, провоцируют задержания и административные штрафы.

Особый исследовательский интерес вызывает локальное протестное поведение, возникающее стихийно по неполитическим темам без организационного участия профессиональных политиков. Как правило, потеря работы или экологические страхи вынуждали «лишённых столичной

[1] Бессрочка/Бессрочный протест. – URL: https://vk.com/bessrochka (дата обращения: 10.04.2019).

анонимности»[1] жителей провинциальных населённых пунктов к протестному поведению. Масштабные публичные мероприятия оспаривания по локальной экологической теме вынудили в 2018 г. региональные власти Тамбовской области вмешаться и удовлетворить требования протестующих (с. Дмитриевка). Вторым типом локального протеста стали сетевые акции протеста, канализирующие общее недовольство. Акции данного субъекта немногочисленные, но проводятся регулярно. Выбор общей темы и регулярность позволяют сделать вывод о стремлении данных акций не столько решить проблему, сколько изменить общественное отношение к этим проблемам (С. Тэрроу). Сохраняется тенденция, зафиксированная в 2008–2009 гг.: благодаря организующему ресурсу политических партий и общественных объединений доля Всероссийских акций значительно превышает вклад локальных протестов[2].

Библиография/References:

1. Кинсбурский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряжённость и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 1. – С. 20–33.

2. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: «РОССПЭН», 2013. – 525 с.

3. Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. – 2011. – Январь–апрель – С. 6 – 19.

4. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. – М.: Изд–во ВШЭ, 2010. – 288 с.

5. Дмитирев М. и др. Осенний перелом в сознании россиян: мимолётный всплеск или новая тенденция? // Фонд «Либеральная миссия». – URL: http://www.liberal.ru/articles/7298 (дата обращения: 11.01.2019).

6. Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В. Признаки изменений общественного сознания и их возможные последствия // Комитет гражданских инициатив. – URL: https://komitetgi.ru/news/news/3902/ (дата обращения: 11.01.2019).

7. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб.: Наука, 1993. – 172 с.

8. Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. – М.: Изд–во ВШЭ, 2017. – 280 с.

[1] Скиперских А. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2–3. – С. 60.

[2] Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. – М., 2013. – С. 382.

9. Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 144–157.

10.Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: «Весь мир», 2003. – 640 с.

11.Кынев А. Качество региональных политических институтов: попытка измерения // Политическая наука. – 2017. – № 4. – С. 259–283.

12.Латов Ю.В. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 36–51.

13.Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: автореф. дис.... д-ра полит. наук. – М., 2018. – 36 с.

14.Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Полития. – Зима 1999–2000. – № 4. – С. 102–121.

15.Тэрроу С. Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов // Свободная мысль. – 2011. – №12. – С. 5–16.

16.Эксперты КГИ представили индекс социально–экономической и политической напряжённости в регионах России за I полугодие 2018 // Комитет гражданских инициатив. – URL: https://komitetgi.ru/analytics/3946/ (дата обращения: 01.08.2018).

17.Эксперты КГИ представили итоги мониторинга социально–экономической и политической напряжённости регионов за три года // Комитет гражданских инициатив. – URL: https://komitetgi.ru/analytics/3797/ (дата обращения: 01.07.2018).

18.Greene S. Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia. – Stanford University Press, 2014. – 296 p.

19.Tarrow S. Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics, Third Edition. – Cambridge University Press, 2011. – 330 p.

1. Kinsburskii, A.V., Topalov, M.N. (2016) Sotsial'naia napriazhennost' i massovye aktsii protesta (k voprosu o mekhanizme deistviia) [Social tensions and mass protests (on the issue of the mechanism of action)] // Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika [Sociological science and social practice]. – № 1. – P. 20–33.(In Russ.)

2. Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiiskikh obshchestvennykh praktik (2013) [Civil and political in Russian social practices] / pod red. S.V. Patrusheva. – M.: «ROSSPEN». – 525 p. (In Russ.)

3. Grin, S. (2011) Priroda nepodvizhnosti rossiiskogo obshchestva [The nature of the immobility of Russian society] // Pro et Contra. – Ianvar'–aprel. – P. 6 – 19. (In Russ.)

4. Dalh, R. (2010) Poliarkhiia: uchastie i oppozitsiia [Polyarchy: Participation and Opposition]. – M. Izd–vo VShE. – 288 p. (In Russ.)

5. Dmitirev, M. i dr. (2018) Osennii perelom v soznanii rossiian: mimoletnyi vsplesk ili novaia tendentsiia? [Autumn change in the minds of Russians: a fleeting surge or a new trend?] // Fond «Liberal'naia missiia» [Foundation "Liberal Mission"]. – URL: http://www.liberal.ru/articles/7298 (data obrashcheniia: 11.01.2019). (In Russ.)

6. Dmitriev, M.E., Belanovskii, S.A., Nikol'skaia, A.V. (2018) Priznaki izmenenii obshchestvennogo soznaniia i ikh vozmozhnye posledstviia [Signs of changes in public consciousness and their possible consequences] // Komitet grazhdanskikh initsiativ [Civil Initiatives Committee]. – URL: https://komitetgi.ru/news/news/3902/ (data obrashcheniia: 11.01.2019). (In Russ.)

7. Zdravomyslova, E.A. (1993) Paradigmy zapadnoi sotsiologii obshchestvennykh dvizhenii [Paradigms of Western sociology of social movements]. – SPb.: Nauka. – 172 p. (In Russ.)

8. Kagarlitskii, B. (2017) Mezhdu klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma [Between class and discourse. Left intellectuals guard capitalism]. – M.: Izd–vo VShE. – 280 p. (In Russ.)

9. Kostiushev, V.V. (2011) Sotsial'nyi protest v pole politiki: potentsial, repertuar, diskurs (opyt teoreticheskoi interpretatsii i empiricheskoi verifikatsii) [Social protest in the field of politics: potential, repertoire, discourse (the experience of theoretical interpretation and empirical verification)] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 4. – P. 144–157. (In Russ.)

10.Koen, D., Arato, E. (2003) Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaia teoriia [Civil society and political theory]. – M.: «Ves' mir». – 640 p. (In Russ.)

11.Kynev, A. (2017) Kachestvo regional'nykh politicheskikh institutov: popytka izmereniia [The quality of regional political institutions: an attempt to measure] // Politicheskaia nauka [Political Science]. – № 4. – P. 259–283. (In Russ.)

12.Latov, Iu.V. (2017) Prizrak «revoliutsionnoi situatsii»: protestnye deistviia i protestnye nastroeniia sovremennykh rossiian [The ghost of a “revolutionary situation”: protest actions and protest moods of contemporary Russians] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. – № 2. – P. 36–51. (In Russ.)

13.Sokolov, A.V. (2018) Setevoi politicheskii protest v Rossii: sub"ekty, tendentsii i tekhnologii [Network political protest in Russia: subjects, trends and technologies]; Avtoref. dis.... d-ra polit. nauk. – M. – 36 p. (In Russ.)

14.Turovskii, R.F. (1999–2000) Parlamentskie vybory 1999 g.: regional'nye osobennosti [1999 Parliamentary Elections: Regional Peculiarities] // Politiia [Politiya]. – № 4. – P. 102–121. (In Russ.)

15.Terrou, S. (2011) Strategiia rezhima – eto samyi vazhnyi faktor, opredeliaiushchii razmakh i dlitel'nost' protestov [The strategy of the regime is the most important factor determining the scope and duration of the protests] // Svobodnaia mysl' [Free thought]. – № 12. – P. 5–16. (In Russ.)

16.Eksperty KGI predstavili indeks sotsial'no–ekonomicheskoi i politicheskoi

napriazhennosti v regionakh Rossii za I polugodie 2018 [Experts from KGI presented an index of socio–economic and political tension in the regions of Russia for the first half 2018 year] // Komitet grazhdanskikh initsiativ [Civil Initiatives Committee]. – URL: https://komitetgi.ru/analytics/3946/ (data obrashcheniia: 01.08.2018). (In Russ.)

17.Eksperty KGI predstavili itogi monitoringa sotsial'no–ekonomicheskoi i politicheskoi napriazhennosti regionov za tri goda [KGI experts presented the results of monitoring the socio-economic and political tension of the regions over three years] // Komitet grazhdanskikh initsiativ [Civil Initiatives Committee]. – URL: https://komitetgi.ru/analytics/3797/ (data obrashcheniia: 01.07.2018). (In Russ.)